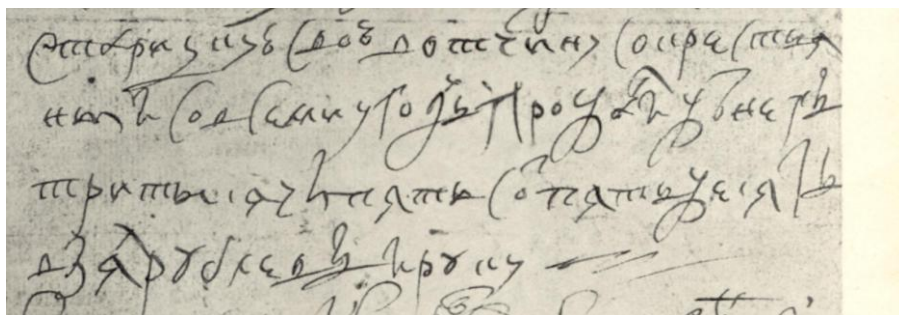

Е.П. ЯНИН

ИЗ ПРИКАЗА РУДНЫХ ДЕЛ

**(Алексей Тимофеевич Лихачев – первый
российский министр рудокопных дел)**

МОСКВА - 2004

Е.П. ЯНИН

ИЗ ПРИКАЗА РУДНЫХ ДЕЛ

**(Алексей Тимофеевич Лихачев – первый
российский министр рудокопных дел)**

МОСКВА - 2004

УДК 551+947

Янин Е.П. ИЗ ПРИКАЗА РУДНЫХ ДЕЛ (Алексей Тимофеевич Лихачев – первый российский министр рудокопных дел). - М.: ИМГРЭ, 2004. – 34 с.

Алексей Тимофеевич Лихачев (не позднее 1625 – 1729), представитель старинного дворянского рода, причастен к государственным реформам конца XVII – начала XVIII вв. Образованный человек, большой библиофил и страстный книголюб, собравший значительную библиотеку книг и рукописей, член известного кружка Федора Ртищева, он был учителем сыновей царя Алексея Михайловича, интересовался российской историей. Им написано не дошедшее до нас “Житие царя Федора Алексеевича”. Этим трудом Лихачева и его устными рассказами пользовался В.Н. Татищев при создании “Истории Российской”. В 1700 г. А.Т. Лихачев был назначен Петром I руководителем приказа Рудокопных дел и членом консилиии министров, став, таким образом, первым российским министром горнорудного дела. Публикации, посвященные жизни и деятельности Алексея Лихачева, “особы великого разума и самого благочестивого состояния”, отсутствуют. Предлагаемый очерк в определенной мере восполняет этот пробел.

© Янин Е.П., 2004

Введение

В

середине XVII столетия в России бурно развивается соляной промысел, активизируются поиски руд цветных и драгоценных металлов, основываются первые металлургические мануфактуры. Именно в это время осуществляется переход от использования бедных болотных и озерных железных руд к поиску и освоению коренных месторождений железа. Московское правительство начинает задумываться о поощрении рудознатцев; “сыск руд” постепенно становится почетным, прибыльным и безопасным делом. Это в существенной мере и станет причиной того, что профессии рудоискателя, рудокопа и рудоплава привлекут к себе внимание предприимчивых людей из самых разных сословий.

Тем не менее Россия вплоть до конца XVII в. испытывала значительный недостаток во многих металлах. В то время медь, олово, свинец, ртуть, серебро, золото и существенная часть железа поступали в страну главным образом из-за рубежа. В отличие от металлообработки горнорудное дело и металлургическая промышленность на Руси были развиты слабо. Во многом это было обусловлено тем, что в стране отсутствовала государственная структура, которая определяла бы стратегию геологоразведочных работ, способствовала поиску столь необходимых Российскому государству руд и других полезных ископаемых. Действительно, до начала XVIII в. в России поиском и добычей руд занимались разные приказы, как правило, попутно с выполнением ими основных функций. Так, с 1560 г. вмешивались в ведение горных дел по разным частям Посольский приказ, Приказ Большой Казны, Сибирский приказ, Оружейная Палата, Пушечный Двор, а с 1660 г. “рудокопные дела” были поручены Приказу Большого Дворца. К сожалению, в доступной литературе какие-либо конкретные сведения о том, в чем же состояла обязанность относительно рудного дела каждого из упомянутых учреждений, практически отсутствуют.

Известно, что в 1676 г. царем Федором Алексеевичем был дан указ князю Ю. Ромодановскому “о сыску Московского государства по всем городам и уездам серебряной, медной руд и красок и всякого узорного и простого пригодного камня”. Поиски полезных ископаемых, в том числе при деятельном участии государства, в это время начинают достаточно активно проводится не только в центральных районах страны, но и на Европейском Севере, на Урале и в Сибири, постепенно они приобретают регулярный, систематический характер, а целенаправленное освоение минеральных ресурсов страны становится одним из главных условий ее экономического развития. Это понимали уже реформаторы времен царя Федора Алексеевича, но в полной мере значимость широкомасштабного “сыска” руд в разных регионах страны осознал Петр Первый, что, в сущности, и привело его к необходимости создания специального государственного учреждения.

В 1700 г. вышел указ, который гласил: “Августа в 24 день Великий Государь Царь... Петр Алексеевич... указал: на Москве золотые, и серебряные и иных руд дела ведать околничему Алексею Тимофеевичю Лихачову да дьяку Кузме Борину, и сидеть им в Приказе Большие Казны особо и писать: Приказом Рудокопных Дел”.

Между прочим, именно этот указ Петра I о создании приказа Рудокопных дел (в документах того времени это учреждение называется также Рудным приказом, Рудокопным приказом, приказом Рудных дел) и послужил формальным основанием для недавнего празднования “300-летия горно-геологической службы России”.

Из указа Петра I следует, что первым руководителем рудокопной службы России был назначен окольничий Алексей Тимофеевич Лихачев. Наш замечательный историк С.М. Соловьев в своей “Истории России с древнейших времен” отметил, что об этом человеке известно очень мало фактических сведений.

Кто же он, Алексей Лихачев?

Род Лихачевых

*Каждый человек
принадлежит роду.*

А. Лосев

Считается, что фамильное прозвание Лихачевых сложилось во 2-й половине XV столетия. После завоевания Новгорода Иван III испоместал в Новгородских пятинах, в числе других детей боярских, трех сыновьев некоего Алексея Лихача: Дмитрия Дружину, Матвея Кошку и Никиту Лихачевых. По мнению известного русского историка Н.П. Лихачева (представителя одной из ветвей рода Лихачевых), в конце XVII в., ко времени подачи родословных росписей в Разрядный приказ, Лихачевы не удовлетворялись документально известным происхождением от Алексея Лихача и не попытались определить, к какому роду он на самом деле принадлежал, а выбрали надежный для того времени способ – объявили его “выезжим”, т. е. приехавшим из-за “рубежа”. Согласно официальной версии родословной росписи, в 1426 г. к великому князю Василию Темному выехал из Польши некто Олег Богуславич Лиховец, по крещению названный Алексей Лихач. Ему якобы были пожалованы деревни, те самые, что были за братьями Лихачевыми в конце XV в. Предложенная Лихачевыми версия была Разрядом принята.

В портфелях Г.Ф. Миллера сохранилось еще одно родословие Лихачевых, в котором говорится, что “Олег Богуславич Лихач выехал из Флоренцы в Полшу, а ис Полши в великую Россию князь Василью Александровичу Невскому, от которого происходят три фамили(и) Лихачевы, Кулебакины, а Краевские остались в Полше – в лето 6772 года” (т. е. в 1263 или 1264 г. – Е.Я.).

Историк М.Г. Спиридов относил Лихачевых к роду Франсбека – сына флорентийского владетеля, который выехал в 1264 г. из Флоренции в Польшу, где был принят, женился на княжне Корецкой,

получил во владение Подолию. От него и потомков его пошли роды дворян Франсбековых, Лихачевых, Кожиных, Колюбакиных и Краевских. Первый представитель рода Лихачевых звался в Польше “Лиховским”. Олег Олегович Лиховский, потомок Франсбека, выехал из Польши в Новгород, принял закон греческого исповедания, получил прозвание Лихач, “а посему и потомки его стали писаться сим прозванием”.

В родословных Колюбакиных легенда приводится еще подробнее. Так, Францбек Грабя, флорентийский владетель, в “6772 г. претерпел разорение от датского короля”. Сын того владетеля уехал в Польшу к “Августу Витовту королю”. Здесь его приняли, дали всю Подолию, женили на княжне Корецкой. От него в Польше повелись Лихачевы, Краевские, Колюбакины. “А внучата Франц Бек Грабя – Олг Олгович Лихачев, да Дмитрий Федорович Колюбакин выехали ис Полши в Великий Новгород служить Великому князю Василью...”.

Как бы там не было, но наследники второго сына Алексея Лихача – Матвея Кошки – к середине XVI в. оказались в Бежецкой Пятине. В писцовой книге 1545 г. в Петровском Тихвинском погосте значатся помещики – дети боярские Юшко и Михалец Афанасьевы дети Лихачевы, внуки Матвея Кошки. Потомство Михаила Афанасьевича Лихачева перебралось из пятин в Москву. Внук Михаила – Иван Иванович Пешек успел в конце XVI в. пристроить своих сыновьев Тимофея (отца будущего начальника Рудного приказа) и Константина ко двору – в Сытный Дворец.

Константин Лихачев – личность очень любопытная. Как исключение для служилых Лихачевых, он не касался письменных дел и всю свою жизнь прослужил во Дворцовом хозяйстве, будучи много лет “путным ключником” (в некоторых документах того времени он упоминается “степенным ключником”). Например, в разряде первой свадьбы царя Алексея Михайловича (состоявшейся в 1648 г.) “у питья и у ествы” среди путных ключников значится и “Константин Иванов сын Лихачев”. Константин Лихачев пережил сына своего Петра, умер глубоким стариком, так и не сделав особой карьеры. Это был, судя по всему, человек тихий, честный, чуждый честолюбия; страстный библиофил, некоторые из принадлежащих ему книг дошли до нас. Завещание К. Лихачева не найдено, поэтому, кто унаследовал имущество его, дал ли он вклад в монастырь – нам неизвестно. Есть сведения, что род Константина Лихачева записан в Синодик Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле.

Брат Константина и отец Алексея – Тимофей Иванович Лихачев – сытник в 1597 г. (его имя встречается в тексте Посольских книг), стряпчий государева Сытного Дворца в 1608 г., путный ключник при царе Михаиле Федоровиче, несмотря на свою смерть, гораздо ранее брата, дослужился до звания “кормового Большого Дворца степенного ключника”, обеспечив своим детям широкие возможности для карьеры. Между прочим, у Тимофея Лихачева было имение в Коломенском уезде, межа в межу с землей Ивана Андреевича Новикова, предка Н.И. Новикова. По сообщению историка Н.П. Лихачева, умер Тимофей в возрасте 60 лет, но детей оставил очень юными, только Алексея – будущего начальника Рудокопного приказа – подростком. Известно, что в 1636 г. отцовское поместье уже справляется за Алексеем Лихачевым, который родился, видимо, не позднее 1625 г.

Младший брат Алексея – Михаил, казначей при царе Федоре Алексеевиче, дослужившийся до звания окольного, был женат дважды, второй раз на Марфе Федоровне Строгановой, но умер бездетным. Одного сына (Федора) он устроил комнатным стольником, т. е. в должность, которая открывала надежный путь к карьере, были бы способности, но Федор умер рано и бездетным. Были и другие дети у Михаила, но умирали в младенчестве. В 1889 г. при строительных работах в Никитском монастыре в Москве нашли надгробие, на котором было написано, что оно сооружено в 1687 г. над могилою детей окольного Михаила Тимофеевича Лихачева. Сестра братьев Лихачевых – Матрона (Матрена) была замужем за Василием Дашковым. Архивы Спасо-Прилуцкого монастыря, что под Вологдой, сохранили для нас имена бабушки Алексея Лихачева – Анны и прабабушки – иноки Марфы.

Неродословное дворянство, к числу которых принадлежали и Лихачевы, чтобы выбиться из рядовых детей боярских, выдвигало своих представителей главным образом путем службы в приказах, что требовало, прежде всего, грамотности и умения ясно излагать свои мысли. Этот путь прошли многие представители рода Лихачевых.

Не был исключением и Алексей Тимофеевич Лихачев.

На царской службе

*Не казнь страшна;
страшна твоя немилость...*

А.С. Пушкин

Алексей Лихачев на свадьбе царя Алексея Михайловича в 1648 г. в церемониальном списке помещен почти рядом с дядей Константином и записан чарошником. Через 10 лет он – путный ключник, в 1676 г. – стряпчий с ключом, в 1677 г. – комнатный стольник, 16 августа 1680 г. “пожаловал Великий Государь (царь Федор Алексеевич – Е.Я.) из стольников комнатных в постельничие Алексея Тимофеевича Лихачева”. В этом звании в 1682 г. Лихачев подписывает Деяние об уничтожении местничества. Запись в Дворцовых разрядах от 19 августа 1683 г. сообщает нам, что “пожаловали Великие Государи (Иван и Петр – Е.Я): Алексея Тимофеевича Лихачева в окольниковичие, брата его Михаила Тимофеевича в думные дворяне”.

Нетрудно заметить, что все придворные чины-должности (тогда большинство званий одновременно обозначало и должность, и чин, т. е. и службу, и почетное отличие) Алексея Лихачева определяли его близость к царю. Так, стряпчий с ключом ведал обширным штатом придворных стряпчих; комнатный стольник являлся близким царю слугой; еще ближе к государю находился постельничий – он заведовал царским гардеробом, спал в одной комнате с царем или около, ходил с ним в баню; в его ведении состояли спальники и стряпчие. Окольничий – придворный чин и должность; дворянин, занимавший положение на одну ступеньку ниже, чем боярин; второй думный чин. Служба окольниковичих была около царя. Это звание было пределом карьерных устремлений многих неродовитых дворян, поскольку открывало детям и родственникам окольниковичего широкие возможности для быстрого продвижения по службе и, конечно, дос-

таток. Начиная с последних лет царствования царя Алексея Михайловича, имена братьев Алексея и Михаила Лихачевых часто упоминаются в Дворцовых разрядах, особенно в связи с “походами” царей по окрестным монастырям, церковными праздниками и другими событиями, типичными для придворной жизни тех лет. Так запись от 6 октября 1676 г. гласит: “За Великим Государем... Феодором Алексеевичем... были в походе в селе Покровском... стряпчий с ключом Михайло Тимофеев сын Лихачев”; 21 сентября 1680 г. царь Федор отправился в Сергиев монастырь, с ним, среди прочих, – постельничий А.Т. Лихачев и стряпчий с ключом М.Т. Лихачев; 7 февраля 1685 г. Иоанн “изволил иттить в Спасский монастырь, что на Новом”, с ним были в “ходильном платье” окольныйничий А.Т. Лихачев и думный дворянин М.Т. Лихачев; 30 января 1696 г. у гроба Иоанна “дневал и ночевал” окольныйничий А. Лихачев. В одном из указов Петра I сказано, что с 2 апреля 1697 г. и впредь до будущего сентября “с 1 числа за святыми иконами в ходех и у действия быть” окольными М.Т. и А.Т. Лихачевым.

Алексей Лихачев был назначен в учителя к (рано умершему) царевичу Алексею Алексеевичу, подававшему большие надежды, человеку образованному и начитанному, имевшему большую библиотеку. По сведениям В.Н. Татищева, Лихачев был учителем и другого сына “тишайшего царя” – Федора, будущего царя, который, как говорят, обладал превосходными душевными качествами, получил основательное воспитание; обучался латинскому языку, стихотворству, “любяше святыя места посещати и церкви Божия созидати, служителей же Божиих, сиречь архиереев, архимандритов и игуменов, священников, и диаконов и всех церковных служителей своим царским дарованием обогащася”. Одним из учителей Федора, как известно, был Симеон Полоцкий

Именно при царе Федоре братья Лихачевы достигают вершины служебной карьеры и уже активно влияют на дела государственные. С.М. Соловьев, например, считал, что Алексей Лихачев играл очень важную роль в царствование Федора, заслоня собою, вместе с постельничим Иваном Языковым, и Милославских, и Нарышкиных. По словам историка, из-за недостатка подробных известий мы не можем определить долю каждого из них (т. е. Лихачевых и Языкова – Е.Я.) в правительственной деятельности. Тем не менее “замечательнейшие постановления царствования Федорова относятся преимущественно к последним годам, когда царь возмужал и когда... Языков, Лихачев и Голицын получили главное влияние”.

Именно с царствования Федора (1676-1682 гг.) С.М. Соловьев повел отсчет нового периода русской истории.

По мнению Г.Ф. Миллера, это время “есть переход от счастливого и славного царствования Алексея Михайловича к преобразованиям Петра Великого... Кто сравнит устройство России при Феодоре с устройством ее пред Феодором и после него, тот может определить истинную цену того и другого... Феодор положил основание многим улучшениям в государстве, которых Петр Великий продолжал...”.

Правительство царя Федора Алексеевича, как заметил популярный в свое время историк К. Валишевский, не пожертвовало во внешних сношениях ни одним из существенных интересов страны, к концу своего правления упрочило свой авторитет, выполнило во внутренней жизни несколько благотельных и благотворных реформ. В различных пунктах деятельности законодательной или административной временных управителей (т. е., прежде всего, Языкова и Лихачевых – Е.Я.), – продолжает Валишевский, – нельзя не отметить либеральной тенденции, как раз недостающей бурному и насильственному духу великого реформатора ближайшего будущего. В 1679 г. делается попытка уменьшить тягости плательщиков налогов. В 1681 г. царь Федор издал указ, согласно которому всем вельможам, дворянам и приказным людям следовало носить короткие кафтаны (европейского типа) вместо прежнего длинного и чрезвычайно непрактичного азиатского платья. По меткому замечанию С.М. Соловьева, укорочение платья предвещало укорочение бороды.

В начале 1682 г. была осуществлена важнейшая реформа, связанная с отменой местничества. На совещании выборных людей от служилого сословия было постановлено, “для лучшего ратей устройства и управления”, окончательно уничтожить старый порядок и “отныне всем быть без места”. Это открывало новые возможности перед “худородными”, но талантливыми людьми. Как мы уже знаем, Деяние об уничтожении местничества подписывает и постельничий Алексей Лихачев.

Как известно, местничество – это обычай, возведенный на степень юридического, своего рода законом признанное право служилого человека считаться с другим служилым человеком своим служебным положением или местом. Пожаловать или не пожаловать боярский чин – это право государя, а вот назначение одного боярина на должность более высокую, чем у другого боярина, последний мог

оспорить, если его предки традиционно занимали должности более высокие, чем предки его оппонента. И поэтому теперь ему быть ниже того боярина «невместно», это оскорбляет его достоинство, его честь. Нигде подобного не было. В Западной Европе, например, даже самый захудалый рыцарь был таким же благородным дворянином, как самый знатный герцог.

Следствием отмены местничества стал тот факт, что руководителями Приказов становятся люди, не имевшие боярского чина. Это открывало большие возможности перед “худородными”, но талантливыми людьми, способными и знающими свое дело. Например, Андрей Виниус (впоследствии один из ближайших сотрудников Петра I, много сделавший, в частности, для развития горнорудной промышленности России) получил высшую должность в Аптекарском приказе без назначения над ним боярина.

Известный П.П. Шафиров (1669-1739) в своем “Разсуждении о причинах Свейской войны” так охарактеризовал правление царя Федора: “... царь Федор Алексеевич, хотя и весьма слабой комплекции и худого здравия был, однако ж славы родителя своего и попечения о пользе государства не утратил, но елико силы его и здравие и краткость времени допустило во введении лутчих и с чужестранными народы сходных обыкностей во учреждении некоторых изрядных зданий и в премене древней и неудобной одежды, паче же зело жестокого и вредительного обычая в розрядных случаях, который как закон почитали, рачение свое о государственной пользе показал. И ежели бы болезни ему и прекращение жизни по седмилетнем токмо государствовании не были препону, то б со временем и вящую пользу государству своему сочинил”.

Действительно, период правления Федора характеризуется развитием международных связей и торговли. Начинают осуществляться преобразования в российской экономике, вводится подворное обложение, разрабатывается план реформирования финансовой системы страны, составляется проект об отделении высших гражданских чинов и должностей от чинов военных, составляется проект высшего училища, предпринимаются меры по частичной переделке уголовного кодекса, включая смягчения некоторой части наказаний. Безусловно, ко всем этим делам, в той или иной мере, был причастен и царский “любимец” Алексей Лихачев. Так, по мнению Л.Н. Пушкирева, А.Т. Лихачев во время правления Федора становится душой обширной реформаторской деятельности государя. Находясь во главе многих хозяйственных начинаний, Алексей Лихачев – образован-

ный, сведущий в искусствах и ремесленных художествах человек – немало способствовал развитию центров русского мастерства, технической мысли и искусства.

С воцарением Федора Алексеевича Нарышкиным пришлось, в определенной мере, уступить первенство Милославским, родственникам царя по его покойной матери, что не могло закончиться миром. По замечанию одного историка, русские обычаи и устои конца XVII в. были смесью монгольского варварства с византийским разложением. Суть их на редкость точно несколько позже выразил кабинет-министр Артемий Петрович Вольтер (известный многим по роману И.И. Лажечникова “Ледяной дом”) в письме к своему другу, князю Г. Урусову: “Нам, русским, хлеба не надо: мы едим друг друга и сыты этим”. Местничество Нарышкиных и Милославских просто не могло не закончиться очередным “поеданием”, причем не только друг друга. Действительно, разлад между Милославскими и Нарышкиными после смерти Федора скажется рядом кровавых событий.

В 1682 г. у Федора родился сын Илья. Царица Агафья Семеновна умерла “родами”. В июле умер и младенец Илья. Не без усилий Лихачевых и Языкова последовала быстрая женитьба царя на Марфе Матвеевне Апраксиной, крестнице известного Артамона Матвеева, находившегося в то время в ссылке. Существует мнение, что брак царя Федора и Марфы Апраксиной был устроен непосредственно Алексеем Лихачевым. (В конце своей жизни А.Т. Лихачев распродавал часть принадлежащих ему вотчинок, а одной – факт, как заметил Н.П. Лихачев, весьма любопытный – “поклонился царице Марфе Апраксиной”, т. е. сделал вклад в монастырь.)

В конце царствования Федора Алексей Лихачев, предвидя избрание Петра, стал на сторону Нарышкиных. Причины, подвигшие его на этот шаг, довольно точно обозначены С.М. Соловьевым: “После Феодора, наследниками останутся два брата: Иоанн, больной, слепой, слабоумный, и Петр, здоровый, живой, даровитый десятилетний мальчик. Стать за Иоанна – какое будущее? Много нацарствовал Феодор? Но Феодор еще не всегда нуждался в опеке, а за Иоанна постоянно должны управлять другие; кто же будет управлять? Царевна Софья с Милославскими? Значит Языкову и Лихачевым надобно готовиться в путь еще подальше Пустозерска (куда первоначально был сослан Артамон Матвеев с семьей – Е.Я.), за Камень, ибо Милославские не забудут, что у них была отнята власть Языковым и Лихачевыми. А с Нарышкиными и Матвеевым сблизиться

легко, содействуя их возвращению, тем более что старой вражды не было”.

27 апреля 1682 г. “учинилась на Москве всемирная печаль” (так напишет в своих “Дневных записках” Иван Желябужский, думный дворянин, затем окольныйничий, а с 1664 г. – воевода в Чернигове) – умер царь Федор Алексеевич. На совете высших сановников государства царем избрали “меньшова царевича... Петра Алексеевича..., мимо большова ево брата царевича Иоанна Алексеевича”. Но Милославские во главе с царевной Софьей сумели возбудить недовольство стрельцов, спровоцировали их бунт.

В злополучный день 15 мая 1682 г., – сообщает нам Иван Желябужский, – “на Московском государстве было смятение. Стрельцы... пришли в город, в Кремль во 11 часу дни..., с мушкеты и с копья и з бердыши, а сами, бегучи в город, кричали, будто Иван да Офонасей Кирилловичи Нарышкины удушили царевича Иоанна Алексеевича. А начальных людей с ними... никаво не было... И порубили своим насильством бояр”.

Взбунтовавшимися стрельцами был убит вернувшийся из ссылки боярин А.С. Матвеев, а “Ивана Максимовича Языкова изымали стрельцы, нашли у Николы... меж Тверской и Никицкой у попа, и провели в город поздно, изрубили на площади у Лобнова места... в дробные части”. Дело кончилось тем, что “по стрелецкому приговору” приговорили сослать в Томск братьев Лихачевых. Дома боярские, – пишет И. Желябужский, – “все разорены, а животы их (т. е. имущество) и остатки опальные ценили и велели продавать стрельцом самую дешевою ценою”. Во время стрелецкого восстания 15 мая 1682 погибло до 70 человек, большинство которых было партии Нарышкиных.

После кровавых трехдневных побоищ стрельцы потребовали, чтобы, кроме Петра, царем стал также Иван, а правительницей сестра их Софья, что и было сделано: 25 июня 1682 г. на царство венчались Иоанн и Петр. Стрельцы добились от правительства также снижения срока городской службы с двух лет до одного года и увеличения стрелецкого корпуса с 12 до 19-20 тысяч человек. После этого, как напишет Б.И. Куракин (1676-1727) в “Гистории о царе Петре Алексеевиче”, “всякая тишина восстановлена была, и началось правление Софии Алексеевны”. Это правление, по мнению того же Б.И. Куракина, “началось со всякою прилежностью и правосудием и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудраго правления в Российском государстве не было. И все государство

пришло во время ее правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножилась коммерция и всякия ремесла, и науки почали быть возставлять литинскаго и гречаскаго языку. Также и политес возстановлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго – и в экипажах, и в домовном строении, и в уборах, и в столах”.

В Калязинском монастыре сохранились грамоты от 1682 г. о присылке “под начал в Калязин монастырь” А.Т. Лихачева “впредь до спросу” и о высылке его в Сибирь на поселение. Но в Сибирь братья Лихачевы, судя по всему, не попали. Как мы уже знаем из записи в Дворцовых разрядах от 19 августа 1683 г. братья Лихачевы уже снова при дворе и даже получили повышение. Возможно, что их опала была неплохо разыгранным спектаклем с целью успокоить стрельцов. Возможно, что новым правителям потребовались образованность, знания и организаторские способности Алексея и Михаила Лихачевых. Последнее вполне мог оценить князь Василий Голицын, знавший Лихачевых по совместной реформаторской деятельности при Федоре. Царевна Софья, видимо, не таила особого зла на учителя своих братьев – А. Лихачева; известно, например, что она любила присутствовать на уроках и, возможно, также училась у него. Следует сказать также о явно доброжелательном отношении к братьям Алексею и Михаилу Лихачевым Петра Первого, не очень-то расположенного “старым боярам”, многим из которых спустя совсем немного лет он самолично “брил бороды”, другим “лечил зубы”, а некоторых “воспитывал” дубинкой.

Братьям Лихачевым пришлось пережить стрелецкий бунт 1699 г. Итог этого события известен; свыше 1700 человек было подвергнуто страшным пыткам, а царь Петр, по выражению Е.Ф.Шмурло, смешав дело государственное с делом личным, собственноручно рубил головы мятежникам, вымещая на них тяжелые минуты, некогда пережитые из-за них в раннем детстве и молодости. Это, по мнению историка, наложило мрачный отпечаток на все последующее царствование преемника Федора.

При молодом Петре I Алексей и Михаил Лихачевы не раз были членами так называемых боярских комиссий, оставляемых царем на время отъезда из Кремля для управления текущими делами. Обычно практически каждый выезд государя за пределы Кремля считался “походом”, будь то поход на войну или поездка по подмосковным монастырям и дворцам. Эти комиссии, числом от 3 до 8-9 человек, существовали с 1676 г. Каждый член комиссии назначался

царем обычно из бояр, окольных и думных дьяков. Например, 18 марта 1700 г. Петр, уезжая из Москвы, “указал на Москве на своем Государеве дворе быть и дела ведать, какие прилучаться: боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову, окольному Михайле Тимофеевичю Лихачеву, думному дьяку Любиму Алферьеву сыну Домнину”.

С 1701 г. начинает функционировать уже устойчивая правительственная структура – Боярская комиссия, которая не распускалась, как раньше, при возвращении государя в столицу. Более надежные данные о составе Комиссии появляются после того, как был установлен формуляр приговора Комиссии, члены которой были обязаны его подписывать. В частности, приговоры от 7 января, 7 сентября и 11 ноября 1708 г. подписал и окольный Алексей Лихачев, которому было уже не менее 80 лет. Судя по всему, А. Лихачев достаточно часто входил в состав этой комиссии, даже несмотря на свой преклонный возраст (а может быть, именно поэтому). Не исключено, что 1708 г. был последним годом службы Алексея Тимофеевича Лихачева.

Его брат, окольный Михаил Тимофеевич Лихачев, довольно долгое время служил в Оружейной, Золотой и Серебряной палатах, в приказе Большой Казны, в Каменном приказе.

В 1699 г. при Боярской думе учреждается Ближняя канцелярия, главным образом, для финансового контроля за приходом и расходом денежных средств всех приказов, которые обязаны были доставлять в канцелярию еженедельные и ежегодные ведомости о своих доходах и расходах, об управляемых ими людях и зданиях и т. п. Ближняя канцелярия по отчетам приказов составляла сводные приходно-расходные ведомости. Вскоре компетенция ее возросла. Канцелярия постепенно становится основным местом заседаний членов Боярской думы. В течение 1700-1704 гг. Боярская дума перерождается в новый орган – консилию министров (министрами называли начальников приказов), в заседаниях которой принимал участие и начальник Рудокопного приказа, или, говоря проще, первый российский министр рудокопных дел окольный Алексей Тимофеевич Лихачев.

Приказ Рудных дел

*...в том сыску руд
велеть радеть неодлошно,
чтоб в том учинить прибыль...*

Из указа Петра I от 2 ноября 1700 г.

И

так, 24 августа 1700 г. Петр поручает окольному А.Т. Лихачеву ведать новоучрежденным приказом Рудоконных дел. Но известно, что Лихачев приступил к руководству горнорудным делом страны, по крайней мере, на один год раньше. Приказ Рудоконных дел появился не на пустом месте – он возник из стола (что-то вроде отдела) приказа Большой Казны. Первая попытка Петра централизовать управление горнозаводским и рудосыскным делом относится к октябрю 1699 г., когда был издан указ, которым предписывалось “у рудоконного дела быть окольному Алексею Тимофеевичу Лихачеву, да с ним из Большие Казны дьяку Кузьме Борину, да подьячим старым и молодым сколько человек надобно. А сидеть им в Большой Казне в особом месте, где пристойно”.

Указ предусматривал также передачу в ведение А. Лихачева все вопросы, касающиеся рудного дела, из Посольского, Иноземного, Поместного, Сибирского, Стрелецкого, Печатного, Денежного и Разрядного приказов, из приказов Артиллерии и Казанского Дворца, из Костромской чети, из Оружейной, Аптекарской и Мастерских палат. В конце октября 1699 г. эта группа (стол приказа Большой Казны) в некоторых документах иногда именовалась даже приказом Рудосыскных дел, но самостоятельное рудосыскное “министерство” появилось лишь 24 августа 1700 г.

К сожалению, приказ Рудоконных дел фактически не стал учреждением, сосредоточившим в своих руках все управление горным делом в стране, поскольку существовавшие тогда горнозаводские предприятия остались в ведении учреждений (приказов), которые

руководили ими ранее. В то же время из документов тех лет следует, что приказ Рудокопных дел создавался скорее не для руководства горнодобывающими предприятиями и металлургическими заводами, а в первую очередь для поисков полезных ископаемых, т. е., судя по всему, первоначально главная его функция заключалась в поиске, разведке и учете минеральных богатств страны. Петр I понимал, что изолированные действия разных приказов не позволяли сосредоточить в одном месте немногочисленных рудознатцев и имеющиеся скудные технические средства. Серьезной проблемой было и отсутствие необходимых приспособлений и соответствующих специалистов для технологической экспертизы руд. Экспертиза обычно проводилась в Риге или в Амстердаме – иностранными специалистами, что по многим причинам было крайне неудобно, или в Туле – кузнецом Н. Антуфьевым (знаменитым Никитой Демидовым). Такое положение дел, очевидно, и привело Петра к мысли о необходимости создать единый центр по поиску руд. Событием, ускорившим его возникновение, стала Северная война, когда государству особенно потребовались золото, серебро, медь и другие металлы.

Все эти причины, в той или иной мере, вытекают из другого, также именного, указа Петра I, от 2 ноября 1700 г. В нем, в частности, говорится: “Великий Государь указал: для пополнения золота и серебра в... Московском Государстве, на Москве и в городах сыскивать золотых и серебряных и медных и иных руд, и о сыску тех руд, в города, к воеводам и приказным людям, послать грамоты, и к бургомистрам памяти; велел на Москве и в городах и уездах по торгам и ярмаркам, в торговые дни, кликать бирючем по многия времена. Будет кто на Москве и городах ведает или впредь сведает, на его Государевых или на чьих-нибудь землях, золотую и серебряную, и медную, и иные какие руды, и тем людям извещать; а по тем извещениям, на Москве из дворян, а в городах воеводам ехать в те места, на которых они в извете своем скажут, с кем пристойно, и тех мест досматривать, а досмотря, той руды иметь по два пуда; а в каких местах и на чьей земле, и в городах или в низких местах, и при лесах ли и при водах, описывать именно, и ту руду, запечатав, присылать к Москве, в приказ Рудных дел, с нарочными посыльщиками, без всякого мотчания; и в том сыску руд велеть радеть неодлошно, чтоб в том учинить прибыль. А над подьячими и над посыльными смотреть, чтоб они градским и уездным людям и изветчикам, налог и взятков и никаких обид отнюдь не чинили. А изветчикам сказать его Великого Государя указ, чтоб они руд искали с немалым о том прилежанием, и

сыскав какие-нибудь руды, объявляли; и буде по их изветам, в котором месте сыщется подлинно золотая или серебряная или медная руда, и за тот рудный прииск изветчикам дано будет его Великого Государя жалованье. А в которых городах Разряды, и тех городов воеводам, по таким же изветам, для досмотру руд посылать кого пристойно. А буде на Москве в Приказах, а в городах в приказных и в губных избах есть изветы и дела и сыскные руды, которая были преж сего, и те дела и руды потому ж прислать в приказ Рудных дел. А быть в приказе Рудных дел, у того дела, приказу Большая Казны подъячим старым дву, молодым десяти человекам. И о присылке из Приказу и из памятей в Разряде и в Ратушу и в иные приказы, в которых городах росправою ведомы, а о подъячих в Большую казну послать памяти”.

Таким образом, в указе сказано, что приказ Рудных дел создан с целью поисков золотых, серебряных, медных и иных руд. Для этого, прежде всего, следует провести своеобразную “предварительную разведку”, а именно: везде, где только можно, особенно в торговые дни, “кликать бирючем” (бирюч – вестник, глашатай), не знает ли кто о местонахождении руд; по получении заявления немедленно проводить исследования (“той руды иметь два пуда” и эту “технологическую пробу” отправлять в приказ для испытания); за сообщение или открытие месторождений изветчикам (т. е. информаторам, можно сказать, первооткрывателям) предусматривалась награда, а за сокрытие – наказание. Все дела о рудах и месторождениях, имеющиеся на местах, следовало прислать в приказ Рудных дел. В ноябре 1700 г. было оборудовано помещение для начальных людей приказа, а в его штат из приказа Большой Казны переведены 2 старших и 10 младших подъячих. Из хранящихся в архиве Горного департамента описей дел Рудного приказа видно, что это учреждение ведало поисками руд и подготовкой контингента лиц, сведущих в горном деле, собирало сведения о вновь открытых месторождениях и добытых металлах, распоряжалось отводом открытых месторождений, например, под разработку частным лицам и для устройства заводов, заботилось о постройке последних, назначало к ним приписных крестьян. Этому учреждению приходилось определять и наказание тем лицам, которые скрывали найденные месторождения или противодействовали поискам руд. Историком Н.И. Павленко был найден документ (от 1702 г.), из которого следует, что со временем Рудный приказ должен был развернуть горное производство и руководить частными заводами, причем золотые, серебряные и медные руды

разрабатывались бы на средства казны, а остальные – на средства частных лиц.

В первые годы своего существования приказ “относился докладами” к Петру I и получал именные указы из Разрядного приказа, т. е. зависел непосредственно от царя. Во главе такого приказа Петр должен был поставить человека, которому доверял. Этим человеком стал Алексей Тимофеевич Лихачев, руководивший приказом, видимо, вплоть до 1708 г. Его назначение вряд ли могло быть случайным. По мнению Н.П. Лихачева, Петр, назначая Алексея Лихачева начальником Рудного приказа, руководствовался желанием “воспользоваться образованностью и знаниями Алексея Тимофеевича”. Следует вспомнить хорошо известное умение Петра угадывать призвание людей и с наибольшим эффектом использовать их способности. В помощники А.Т. Лихачеву был придан дьяк приказа Большой Казны Кузьма Борин, что также вряд ли является простым совпадением, так сказать, делом случая. Как известно, в то время одним из основных очагов металлургической промышленности Европейской части России был Воронежско-Тамбовский край. Примерно за 2-3 года до 1-го Азовского похода здесь был построен известный Романовский (или Боринский) чугуноплавильный завод, владельцами которого были купец Н. Аристов и дьяк Кузьма Борин. Последний имел непосредственное отношение к управлению металлургической промышленностью, состоя дьяком Казенного приказа, приказа Большой Казны, Золотой и Серебряной палаты.

Приказ Рудных дел распространял свою деятельность сначала на всю Россию, но затем его права были ограничены пределами Европейской территории страны. В Сибири сыском руд занимался, как и раньше, Сибирский приказ. Такое территориальное размежевание объясняется тем, что рудокопные мастера были уличены в продаже пороха сибирским туземцам, что не входило в планы правительства. Дело кончилось постановлением: “ни из которого приказа в Сибирские города посыльщиков не пускать”. Тем не менее первые годы существования Рудокопного приказа характеризуются довольно активной деятельностью. В разные концы Европейской России направлялись поисковые экспедиции. Обычно в состав таких экспедиций входили рудознаты, солдаты, подьячие и изветчики. Большим достижением явилось создание при Рудокопном приказе лаборатории, где испытывались образцы руд. В той или иной степени приказ обследовал 121 потенциальное месторождение. Но далеко не все испытанные образцы руд содержали металлы. Например, в 1702 г. из

23 “технологических” образцов для 15 был получен положительный результат, условно годными признано 3 и “пустыми” 5 (“камень простой”). К сожалению, особых успехов в открытии рудных месторождений деятельность приказа не имела. По сообщению Н.И. Павленко, за 11 лет своего существования Рудный приказ издержал на административно-управленческие и производственные расходы 31111 руб. 13 коп., причем за это время было добыто меди всего на 2469 руб. Отчет о работе указанного учреждения за 11 лет его существования констатировал отсутствие металлургической промышленности в губерниях, где протекала деятельность приказа. Например, в наиболее обследованных Московской и Смоленской губерниях найденное железо “в дело не годится и ставится дорогой ценой”; не найдено руд в Ингерманландской и Азовской губерниях. Но, во-первых, отрицательный результат (в данном случае – отсутствие в указанных районах страны руд необходимого качества), как говорится, тоже результат. Уже тогда многие понимали, что будущее рудного дела России связано с Уралом и Сибирью. Во-вторых, сложившаяся ситуация была обусловлена множеством объективных и субъективных причин.

Еще за несколько лет до создания Рудокопного приказа предпринимались попытки разобраться в причинах слабого развития рудного дела в России. Одним из первых это сделал хорват Юрий Крижанич, в 1659 г. приехавший в Москву с надеждой направить свои силы, талант и знания на объединение всех славян, на их освобождение от османского владычества, на просвещение русского народа, на культурно-экономическое развитие России. Крижанич был магистром философии и доктором богословия, владел многими языками, занимался филологией и лингвистикой, политэкономией и географией, философией и эстетикой, историей и историографией, теорией музыки и военного дела, поэзией и фольклором, интересовался рудным делом. В 1661 г. по неизвестной причине он был сослан в Сибирь, в Тобольск, где провел 15 лет и написал значительную часть своих произведений, в том числе труд, известный сейчас под названием “Политика” и являющийся одним из выдающихся современных свидетельств о России второй половины XVII в.

Именно в “Политике” Юрий Крижанич изложил свою программу политического, экономического и духовного возрождения России, во многом основанную на развитии образования, науки, различных промыслов, ремесел, в том числе рудного дела. В качестве основополагающего ядра реформаторского плана Крижанича высту-

пает разработанная им, говоря современным языком, оригинальная концепция природопользования. Особую роль в развитии производительных сил России он отводит Сибири и ее природным богатствам, которая “и ныне нам полезна, но может стать гораздо полезнее”. Крижанич указывал на необходимость создания особого учреждения, отвечающего за развитие промыслов и ремесел.

Судя по всему, Алексей Лихачев лично знал ученого хорвата. Так, находясь в Тобольске, Юрий Крижанич одно из своих сочинений хотел посвятить и передать царевичу Алексею Алексеевичу, однако смерть последнего не позволила это сделать. Затем, не позднее 1675 г., Крижанич письменно обращался за помощью к царевичу Федору Алексеевичу и предлагал ему свои услуги как ученого человека. Есть все основания полагать, что учитель и “любимец” царевичей Алексей Лихачев не мог не знать об этих обращениях (может быть, даже, Юрий Крижанич составлял их по совету А.Т. Лихачева). Как известно, Крижанич вернулся из ссылки сразу же после воцарения Федора – грамота об освобождении Юрия “из опалы” была одним из первых царских распоряжений, доставленных в Тобольск в 1676 г.

Крижанич считал, что слабое развитие рудопоисковых работ на Руси и неудачи предпринимаемых правительством и частными людьми изыскательских экспедиций обусловлены следующими причинами (он называет их “серьезными и везде общими”):

1. Северные земли “морозны, не гористы, бескаменны и песчаны”, если можно что в них найти, то только железо, но и оно “не бывает очень хорошим” (речь идет о болотных и озерных рудах); есть в России и медь, но лишь в местах гористых, подобных таким, как, например, “шведские рудники и Камские горы”.

2. Частные люди или подданные неохотно занимаются поисками, поскольку боятся, что найденное отойдет казне. Но даже если они и находят руды, то не сообщают об этом, поскольку опасаются, что их земельный участок испортят или заставят работать в руднике; иногда “знающий человек найдет руду и сам втайне наживается”.

3. Государственные чиновники не имеют охоты к подобным делам (т. е. к поискам руд) и к тому же боятся наказаний: пообещают найти руду, но не найдут или найденное месторождение будет малозначительным.

4. Отсутствие особого учреждения и соответствующих специалистов: “люди... неискусны и не умеют ни разбираться в рудах, ни искать, ни обрабатывать” их.

5. Большие материальные затраты, связанные с организацией поисковых работ, а также опасности, подстерегающие рудознатцев, особенно на окраинных землях.

Примечательно, что точка зрения современных исследователей на причины, сдерживающих разведку и освоение месторождений полезных ископаемых в России того времени, практически полностью созвучна с мнением Юрия Крижанича. Именно эти причины в существенной мере и определили незначительные практические успехи в деятельности Рудного приказа, который, к тому же, возник в тот переходный период, когда старая приказная система управления уже отживала свой век; время требовало новых подходов к решению насущных задач государственного строительства, начатого Петром. Тем не менее, как заметил Н.И. Павленко, именно история Рудного приказа и последующие события показали, какое значение для успешной реализации новых идей приобретает их организационное воплощение, а последовавшая вскоре ликвидация приказа означала крах не самой идеи подобного учреждения, а ее конкретного воплощения - непрактичного и узкого по своим целям и задачам органа.

Приказ просуществовал до 8 июня 1711 г. и был ликвидирован сенатским указом: “Приказу рудных дел особливо не быть и дьяков и подьячих того приказа определить к иным делам, где надлежит, а рудосыскные дела, которые в том приказе о сыске руд, и где по сыске заведены какие заводы, для ведома разослать по губерниям, дабы то дело каждый губернатор в своей губернии усматривал”. Эта реформа объясняется созданием в 1708 г. губерний и пожеланиями центральной власти сосредоточить в руках губернаторов управление всеми делами на подведомственных им территориях, в том числе и горнорудным делом. Все материалы со сведениями о рудах и заводах, собранные приказом Рудокопных дел, были разосланы по губерниям. Однако в управлении губерний не было предусмотрено специальных структур или должностей для руководства геологоразведочным и горнозаводским делом. Кроме того, в начале XVIII в., когда основной задачей была организация горно-металлургической промышленности, а на местах не было необходимых кадров, такое рассредоточение управления поисками руд и горным делом не оправдало себя. “Иные губернаторы, – писал В.О. Ключевский, – радея о казенной прибыли, пускались на все. Изворачивались всячески, сокращали расходы, вводили чрезвычайные временные сборы; но одного такого сбора не поступило и третьей доли – знак, что стало

не с чего брать. Казанский губернатор Апраксин представлял фальшивые ведомости о придуманных им новых доходах, раз подарил Петру из таких доходов 120 тысяч рублей. Малая удача нового порядка заставила Петра думать о повороте назад, к центру”.

Против ликвидации Рудного приказа активно выступал известный горный деятель Иоган Фридрих Блиер, приехавший в Россию из Саксонии в 1699 г. в качестве пробирного мастера. Это был человек образованный, знакомый с горным управлением западных стран, хорошо знавший и любивший рудное дело. В России Блиер руководил поисками руд, очень способствовал возникновению горного промысла на Урале, в Олонецком крае, Сибири. В 1711 г. он выступил с проектом создания для управления горнозаводским делом Берг-коллегиума (со всеми функциями, которыми была наделена созданная в 1719 г. Берг-коллегия). Блиер предлагал также учредить в Сенате специальный стол, который до создания Берг-коллегиума должен был ведать губернскими горными управителями, которые не подчинялись губернаторам. Но проект Блиера не был принят. В нем Блиер, между прочим, указывал на неправильное употребление на горных работах крестьян и на притеснения их, “от коих дело сие, за ниспослание которого должно Всевышняго благодарить, более проклинается”.

Тем не менее Петр I понял свою ошибку, и, видимо, неоднократно возвращался к мысли об организации централизованного управления горнорудной промышленностью, о чем свидетельствуют пометы в его записных книжках. В конце концов было признано необходимым сосредоточить все сведения о минеральных богатствах страны в одном учреждении, и 17 мая 1715 г. “Великий Государь указал: Рудному Приказу быть по прежнему и ведать его касимовскому царевичу Ивану Васильевичу”. Еще два месяца спустя, 15 июня, приказ был переведен из Москвы в Петербург и получил название “Канцелярии рудных дел”, место которой позднее заступила Берг-коллегия.

Библиофил и книгочей

*... что такое страсть к книгам?
Признак ли это известной культуры
отдельного лица,
или это нечто большее, склонность,
с которой человек рождается...*

Н.П. Лихачев

Андрей Матвеев, сын Артамона Матвеева, известный дипломат, сподвижник Петра I, вспоминал, что “постельничий Алексей Тимофеевич и стряпчий с ключем брат его Михаил Тимофеевич Лихачевы, особы великаго разума и самага благочестиваго состояния исполненныя”, приложили немало усилий “к оправданию совершенной невинности... оклеветанных господ Нарышкиных и... боярина Артемона Сергеевича и сына его, своим крепким приносом, безстрашным рассуждением и благоприятною помощию...”.

Такой же благожелательный отзыв об Алексее Лихачеве (“человеке доброй совести”) мы находим и у В.Н. Татищева, который лично знал Лихачева и пользовался при написании своей “Истории” рассказами и воспоминаниями старого окольного: “Я вспомяну историю, слышанную от Алексея Лихачева”. Брат Алексея – Михаил Тимофеевич Лихачев, по свидетельству Татищева, был “великой ханжа и умел ко всякому прислужиться, как он у всех противных был в милости”. В этих словах Татищева для Михаила Лихачева нет ничего обидного, поскольку речь идет, прежде всего, о выдающихся дипломатических способностях младшего Лихачева, умевшего находить общий язык и поддерживать хорошие отношения даже с враждовавшими между собой людьми (свойство для человека, бывшего одно время царским казначеем, согласитесь, жизненно необходимое). Много позже Н.И. Костомаров напишет о И.М.Языкове и

А.Т. Лихачеве, что “это были люди ловкие, способные и, сколько можно заключить по известным нам событиям, добросовестные”.

Алексей Лихачев, судя по всему, знал польский и (возможно) латинский языки и был заядлым книголюбом. Историки единодушно относят А.Т. Лихачева к кругу так называемых западников, старающихся приучить Московию к европейской цивилизации. Когда-то Алексей Тимофеевич был активным членом известного кружка Федора Михайловича Ртищева, возникшего при дворе царя Алексея Михайловича. Душой этого кружка ревнителей благочестия, как известно, являлся протопоп Стефан Вонифатьев, царский духовник, членами – Федор Ртищев, сестра его Анна, боярин Морозов, архимандрит Новоспасского монастыря Никон и другие.

Алексей Лихачев – страстный библиофил, большой книголюбец, “получивший”, видимо, эту страсть в наследство от своего дяди Константина. Достоверно известно, что А.Т. Лихачев собрал значительную библиотеку книг и рукописей, часть которых дошла до нашего времени. Он даже пробовал себя на писательском поприще. Так, В.Н. Татищев вспоминает: “Лихачев, бывший учитель царя Федора II-го, жизнь одного государя обстоятельно описал, которую я у него сам видел и читал, но после нигде достать ее и о ней навеститься не мог”. (Действительно, ни подлинников, ни списков “Жития царя Федора Алексеевича” до сих пор не найдено. Интересно отметить, что сохранилась записка В.Н. Татищева “Жизнь царя Федора Алексеевича, описанная г. Татищевым вкратце”.)

Известно, что Петр I любил читать летописи и прочую историческую литературу, вроде как бы задумывал даже издать “Большую историю русскую”. Но, тем не менее, как заметил Е.В. Анисимов, обращение людей к истории было в те времена занятием небезопасным. Прошлое династии, монархии, как и личность самодержца, – продолжает историк, – входило в зону запретного, окруженного молчанием, табу. Одни исторические события и деятели прошлого читались публично и официально, другие события и люди (даже живущие) как будто бы никогда и не существовали. Так, например, в декабре 1682 г. было предписано не только изъять везде списки царских грамот, которые получили восставшие стрельцы после своей победы в мае того же года, но и начались ссылки некоторых из стрельцов за воспоминания. Знание отечественной истории могло принести человеку большие неприятности. Без риска оказаться без языка или в Сибири нельзя было рассказывать о происхождении российских монархов. Е.В. Анисимов приводит достаточно на-

глядный примером того, как любовь к прошлому привела на плаху, – известное дело А.П. Волынского, который написал предисловие к своему проекту о государственных делах, где дал историческую ретроспективу от Святого Владимира до петровских времен. А. Волынский очень интересовался русской историей, читал летописи. Из вопросов следствия видно, что попытка Волынского провести параллели с прошлым была расценена как опасное, антигосударственное деяние. Такое отношение к исторической науке было свойственно не только российским правителям. В семнадцатом столетии во всей Европе, по замечанию С. Цвейга, историография постепенно превращается из простого летописания в критическую науку, которая ставит своей задачей проверить все факты, пересмотреть все свидетельства, что, естественно, могло вызывать, мягко говоря, определенное недовольство у властей. Между прочим, даже М.В. Ломоносов утверждал, что в исторических сочинениях следует освещать только те факты и те страницы истории России, которые служат к ее славе, а о других умалчивать. При этом доверять писание русской истории следует только людям благонадежным, давшим специальную клятву, и, к тому же, природным русским.

Н.П. Лихачев, считая Алексея Лихачева одним из “главных деятелей в преобразовательных стремлениях времени второй половины царствования Алексея Михайловича и в интересное время краткого царствования Федора Алексеевича”, заметил, что для эпохи Петра он был несомненный “постепеновец” и едва ли мог сочувствовать резкому разрыву со старой Русью. История царя Федора, написанная много видевшим окольничим, должна была “вылиться искренним, сердечным панегириком”. В эпоху страшного следствия по делу царевича Алексея такое сочинение могло показаться весьма “сомнительным” и, по предположению Н.П. Лихачева, “осторожный (и, надо добавить, умудренный житейским опытом – Е. Я.) автор им пожертвовал”.

Из дошедших до нас книг, принадлежащих А.Т. Лихачеву, особый интерес, пожалуй, вызывает рукопись “Степенной книги царского родословия”, которая создана примерно в 1563 г. и является попыткой систематического изложения истории Московского царства в форме генеалогической преемственности от Рюрика до Ивана Грозного включительно. Изложение событий русской истории, наиболее важных с точки зрения составителей, разбито на 17 степеней и излагается в форме агиобиографий древнерусских правителей по степеням родства. Степенная книга, вместе с москов-

скими летописными сводами, играла роль официального исторического документа, доказывающего законность и значимость прав московских государей.

В начале этой книги, рукою неизвестного писца, изложено нечто вроде предисловия (написанного на рубеже 70-80-х гг. XVII в.), о том, что царь Федор Алексеевич думал о составлении полной русской истории на европейский образец. По мнению современных исследователей, глубина и содержательность размышлений об истории и ее задачах, о развитии “учения исторического” в Российском государстве, содержащихся в Предисловии, далеко выходят за рамки обычных представлений о культурном уровне “предпетровской Руси”. В Предисловии сказано, что много есть вещей, ведущих человека к совершенству, но ничто так не очищает, не укрепляет и не исправляет душевно и телесно, как познание. И хотя познание развивается посредством многих искусств и наук, более всего укрепляет человека и направляет его в гражданской жизни история, что подкрепляется многочисленными ссылками на авторитет Аристотеля, Платона, Фукидида, Цицерона. В краткий человеческий век, говорит автор (или авторы?) Предисловия, в условиях непрерывных перемен история сохраняет для нас опыт прежних поколений. История полезна не только в политической и частной жизни. Всюду, во всех искусствах и науках, где молчит история, видны великие неисправления и несовершенство. “Ясность же истории есть не токмо разумными словами дела всякия правдиво и верно описати, но и при том, чтобы расположены были всякие дела на своем месте пристойно, изъяснены прилично, також писати как для чего и каким образом учинился, чтобы не токмо случаи и конец делам, но притом и доводы и причины их познавались”.

В Предисловии особо отмечается, что проблема истории еще не рассматривалась на русском языке. Царь Федор Алексеевич проявил желание украсить российские народы добродетелями, науками, искусствами, прославить не только нынешние поколения, но и славных предков своих. Ничем иным так не украшаются предки и народы, как разумными и истинными историями, открывающими всем “дела их славныя бывшия, которыя покрыты были темнотию забвения”. Поэтому государь повелел “по обычаю историографов” собрать из всех древних и новых русских, греческих, латинских и польских исторических сочинений наиболее достоверные сведения о том, каково происхождение московского, русского, славянского народов “и какия их начала”, что и в какой последовательности проис-

ходило в России “по чину и по веком до сих времен”, и изложить это “во единой исторической книге”, которая должна включить все события церковной и гражданской истории, военные и дипломатические. Подобные книги об истории своего государства уже имеются у всех европейских народов, “только Московский народ и российской историю общую от начала своего не сложили и не издано, типографии по обычаю”. Такая книга, заключает автор Предисловия, принесет всенародную пользу, ибо не только россияне получат истинные знания о своих предках и своей истории, “но и иным народом будет познание и ведомость”.

Историки сомневаются, что автором Предисловия был Лихачев, хотя и не отрицают, что он мог быть одним из инициаторов этого предприятия. То, что Алексей Лихачев был хорошо знаком с летописями и другими отечественными памятниками истории, сомнений не вызывает. Среди книг, пожертвованных им в 1724 г. в монастырь и оставшихся после его кончины в собственной библиотеке, было немало исторических произведений; он, несомненно, имел склонность к историческому сочинительству. Некоторые историки склоняются к тому, что начальный вариант исторической книги (включая Предисловие) создавался с царского одобрения самим Лихачевым или под его руководством.

Между прочим, не исключено, что в этой работе участвовал вернувшийся из Тобольской ссылки Ю. Крижанич, живо интересовавшийся русской историей. Рациональная мысль, глубокие познания, особенно в греческой философии и славянской истории, четко сформулированная мысль о необходимости создания новой гражданской истории на прагматической основе, присутствующие в Предисловии, очень характерны для Юрия Крижанича – одного из выдающихся людей второй половины XVII в. Известно также, что Крижанич предлагал и Алексею Михайловичу, и Федору Алексеевичу составить “русскую историю” по образцу лучших в то время сочинений. К работе над Предисловием его вполне мог привлечь А.Т. Лихачев.

В любом случае, для нас важно то, что к такому интересному начинанию, так или иначе, был причастен Алексей Тимофеевич Лихачев.

Последние годы жизни

*О добродетели человека
следует судить
не по особым его поступкам,
а по обычной жизни.*

Блез Паскаль

Видимо, после 1708 г. окольный А.Т. Лихачев удаляется от дел и уезжает в одну из своих переяславских вотчин. Недалеко от последнего местопребывания его находилась знаменитая Александровская слобода (ныне г. Александров Владимирской области), главной достопримечательностью которой был Успенский женский монастырь. К этому времени уже были воздвигнуты ограда и угловые башни монастыря; в честь царя Федора Алексеевича построена церковь Федора Стратилата. Царь Федор уделял особое внимание монастырю. Так, в 1677 г. он передал в вечное владение монастырю две мельницы. В его царствование Успенскому монастырю ежегодно отпускалось жалование на 200 монахинь “без московской волокиты”. За помол зерна на монастырских мельницах для “кружечного” кабацкого двора в Слободе царь приказал ежегодно давать монастырю по 192 рубля, да кроме того «за пропускную воду» от реки. Монастырь обслуживал также царскую винокурню.

Знакомство А.Т. Лихачева с Успенским монастырем было старое. Еще при Алексее Михайловиче, как пишет монастырский летописец, “по Божию изволению и ходотайством Федора Михайловича и Анны Михайловны Ртищевых, пожаловала царица государыня... Мария Ильинична четыре скатерти да семнадцать шуб барановых, а привез Алексей Тимофеевич Лихачев”.

В 1885 г. архимандрит Леонид (Кавелин) в “Описании Успенского женского монастыря в г. Александрове” напишет, что “любимец царя Федора Алексеевича, его постельничий, окольный Алек-

сей Тимофеевич ревностно навещал столь любимую им обитель, из своей Переславской вотчины..., при жизни своей в 1724 году... пожертвовал в нее часть своей библиотеки, а остальные рукописи были сюда же пожертвованы его наследниками, уже после его кончины в 1729 году”. Записи на пожертвованных рукописях свидетельствуют, что книги и рукописи были доставлены в монастырь в сентябре 1729 г. Н.П. Лихачев считает, что кончина А.Т. Лихачева с большой вероятностью относится именно к этому году. В год смерти Алексею Тимофеевичу Лихачеву было не менее 100 лет.

На некоторых книгах, хранившихся в монастырской библиотеке, есть записи о покупке их самим Лихачевым. Кроме книг богословских и богослужебных в монастырь, в том числе, попали: список Стоглава, Тетрадь дворовая, Список бояр, Хронограф (экспонировался в выставке Александровского краеведческого музея, а его фотографии помещались во многих путеводителях по музею). Интересны также исторические переводные рукописи XVII века, например, “Церковные летописи Барония”, “Хроника литовская Матвея Стрыйковского”, “Похождения в землю святую Николая Радивила”. Многие книги остались у наследников Лихачева, его дальних родственников, которым (он умер бездетным) отошло и большинство его имений. Показательно, что еще в 1713 г. Лихачев, памятуя доброе к себе отношение царя Федора Алексеевича, отдает вдове царице Марфе Матвеевне, урожденной Апраксиной, село Вакорино-Богородское (позже Салманово), где стараниями Алексея Тимофеевича были построены две церкви – Богородская (в 1686 г.) и во имя Рождества Христова (в 1697 г.). В свою очередь, царица Марфа передала село брату Федору Матвеевичу Апраксину, который вошел в отечественную историю как один из создателей русского флота.

В юго-восточном углу Успенского монастыря находилось монастырское кладбище, где хоронили не только монахинь. Когда-то оно представляло собой сад с мраморными памятниками и склепами. Затем безнадзорное кладбище заустело; плиты увезли, и долгое время о былом напоминал единственный памятник, лежащий на боку...

Не исключено, что именно на этом кладбище и был похоронен первый российский министр рудокопных дел Алексей Тимофеевич Лихачев.

Основные использованные источники

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Булавин», 1997.

Аристов Н. Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. – Варшава, 1871.

Архимандрит Леонид (Кавелин) – Описание Успенского женского монастыря в г. Александрове // Вестник Археологии и Истории, издаваемый Археологическим Институтом, 1885, вып. 1.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Богданов А.П. Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики. – М., 1983.

Богданов А.П. Начало Московского восстания 1682 года в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. Сб. 1984 г. – М., 1984, с. 131-146.

Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроника. Сб. 1980 г. – М., 1981.

Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. – М.: RISC, 1995.

Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». – М.: ГПИБ, 1994.

Вернадский Г.В. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // ЖМНП, 1915, № 4.

Вернадский Г.В. История России: Московское царство: Ч. 2: Пер. с англ. – Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997.

Вернер И.И. О времени и причинах образования московских приказов. Вып. 1. – М.: Университетская тип., 1907.

Волкова Е. Боярин Артамон Сергеевич Матвеев и его время. Исторический очерк (1625-1682). – М.: Тип. Вильде, 1910.

Государственные учреждения России в XVIII в. (Законодательные материалы). Справочное пособие. – М.: МГИАИ, 1960.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. – М.: Соцэкгиз, 1937.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его императорского величества канцелярией. Том 4 (1676-1701). – СПб., 1855.

Забелин И.Е. История города Москвы. Репринтное воспроизведение издания 1905 года. – М.: Столица, 1990.

Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. Введение. – Обзор источников. – СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1871.

Записки Желебужскаго с 1682 по 2 июля 1709. – СПб.: Тип. Императорской Академии, 1840.

Записки о стрелецком бунте // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга вторая. – М.: Худож. лит-ра, 1989.

Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Изданы И.А.Вахромеевым. – М.: Синодальная типография, 1896, т. 1: Княжие и царские грамоты.

История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. – М., 1785.

Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1989.

Козловский И.П. Сильвестр Медведев: очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII в. – Киев, 1895.

Козловский И. Ф.М. Ртищев. Историко-биографическое исследование. – Киев: Тип. Императорского Университета, 1906.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Выпуски 5,6, 7. – М.: СВАРОГ, 1994.

Крижанич Ю. История о Сибири // Сибирь в XVII веке. – М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1890.

Крижанич Ю. Политика. – М.: Новый свет, 1997.

Кузин А.А. История открытия рудных месторождений в России до середины XIX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Куницын М. Александра Слобода (Исторический очерк). – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1976.

Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил, 1913, № 5.

Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. – СПб.: Тип. Сириус, 1913.

Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России, 1700-1900 гг. – СПб.: Тип. инж. Г.А.Бернштейна, 1900.

Ломоносов М.В. Сборник статей и материалов. – СПб., 1991.

Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. – Л.: Соцэкгиз, 1937.

Майкова Т.С. Петр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. – М.: Наука, 1973.

Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. – М.: Наука, 1996.

Новомбергский Н.Я., Гольденберг Л.А., Тихомиров В.В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. (по документам Сибирского приказа) // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 8. – М.: Углетехиздат, 1959.

Очерки истории техники в России. – М.: Наука, 1978.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в. – М., 1952.

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. – М., 1953.

- Полное собрание законов Российской империи, т. III, 1689-1699. – СПб., 1830.
- Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в.: Очерки истории. – М., 1982.
- Россию поднял на дыбы...: В 2-х т. Т. 1. – М.: Молодая гвардия, 1987.
- Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989.
- Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. X. История России с древнейших времен. Т. 19-20. – М.: Мысль, 1993.
- Стешенко Л.А., Софроненко К.А.* Государственный строй России в первой четверти XVIII в. – М.: Изд-во МГУ, 1973..
- Стромилов Н.С.* Александровская слобода в XVII в. и ее Успенский девичий монастырь // Владимирские епарх. ведомости, неофициальная часть 1882, №№ 18-20, 1883, № 1, 4, 5, 7-9.
- Татищев В.Н.* История Российская в семи томах. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Татищев В.Н.* История Российская в семи томах. Т. 7. – Л.: Наука, 1968.
- Три века.* Том второй. – М.: ГИС, 1991.
- Хабаков А.В.* Очерки по истории геологоразведочных знаний в России. (Материалы для истории геологии). Ч. 1. – М.: МОИП, 1950.
- Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. – М.: Изд-во УДН, 1988.
- Щепотьев Л.* Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века. (Опыт исторической монографии). – СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1906.
- Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 6. – М.: Бол. Рос. энцикл., 1997. – 863 с.
- Янин Е.П.* Алексей Тимофеевич Лихачев – первый российский министр рудокопных дел // Геологический вестник Центральных районов России, 2000, № 4.
- Янин Е.П.* Юрий Крижанич и его учение о природопользовании и развитии горного дела в России. – М.: ИМГРЭ, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Род Лихачевых.....	5
На царской службе.....	8
Приказ Рудных дел.....	16
Библиофил и книгочей.....	24
Последние годы жизни.....	29
Основные использованные источники.....	31

Янин Евгений Петрович
ИЗ ПРИКАЗА РУДНЫХ ДЕЛ
(Алексей Тимофеевич Лихачев – первый российский министр
рудокопных дел)

Редактор Т.И. Нефелова

Подписано к печати
Формат 60 x 90 1/16. Уч. изд. л. 2.1.
Тираж 100. Заказ 7-04.
Полиграфическая база ИМГРЭ.